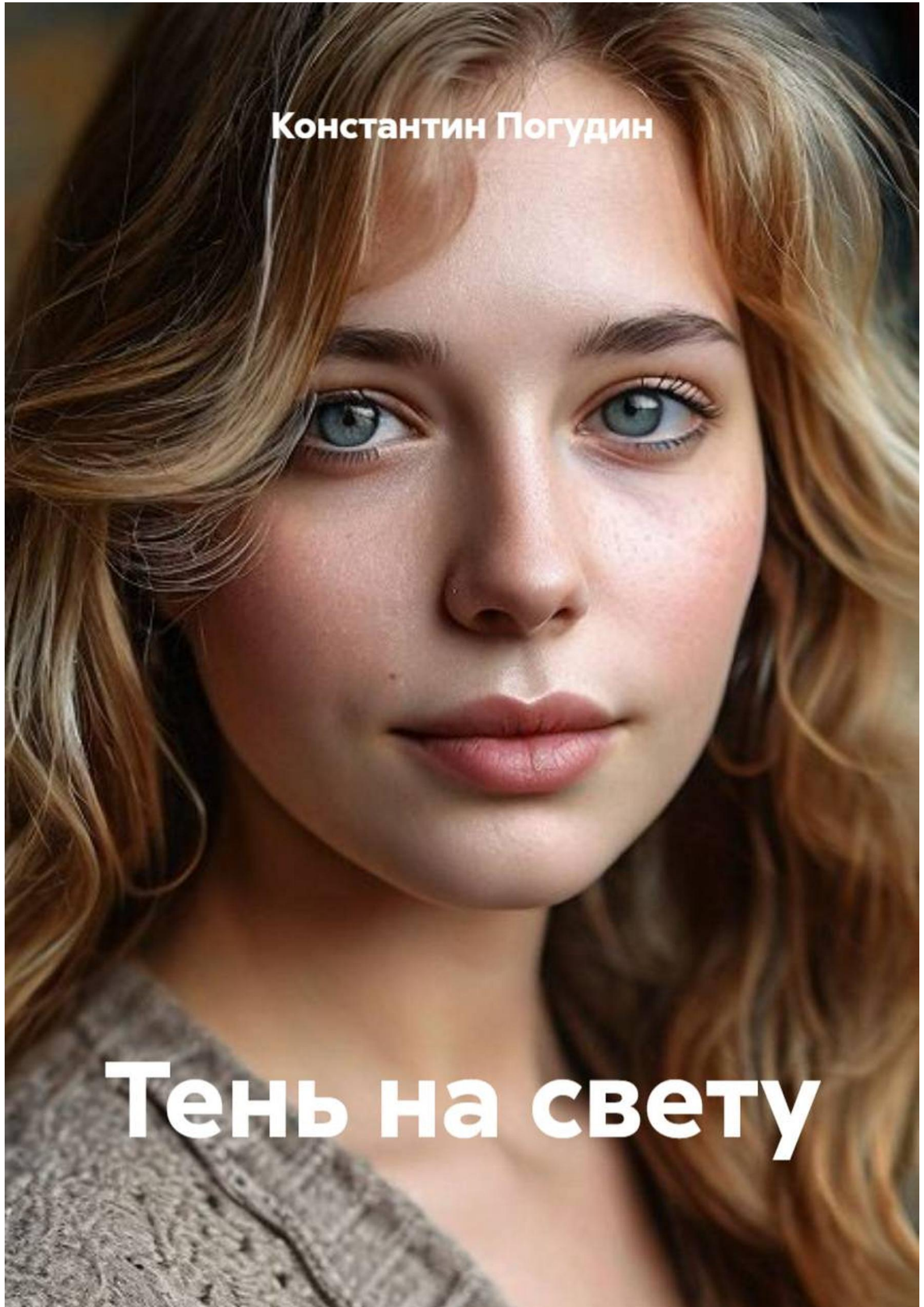

A close-up portrait of a young woman with wavy blonde hair and light blue eyes. She is looking directly at the camera with a neutral expression. The lighting is soft and natural, highlighting her features. She is wearing a grey textured garment.

Константин Погудин

Тень на свету

Константин Погудин

Тень на свету

«Автор»

2026

Погудин К.

Тень на свету / К. Погудин — «Автор», 2026

У неё не было друзей. Не было детства. Не было даже отчества в документах. Она была тайной. Секретом, который прятали семнадцать лет. Дочь кандидата в президенты и известной актрисы, но для мира — всего лишь ошибка, которую списали в архив. Наталья устала быть невидимкой. Одно письмо — и её история становится достоянием миллионов. Но свобода имеет цену: рушатся карьеры, разрываются семьи, и правда, которую она так хотела сказать, оказывается острее любого клинка. Сможет ли она пережить последствия своего выбора? И есть ли путь назад, когда ты уже разрушил всё, что строил? «Тень на свету» — книга о том, как найти себя, даже если тебя никто не искал.

© Погудин К., 2026

© Автор, 2026

Константин Погудин

Тень на свету

Глава 1. Невидимая

Москва, 2026 год

Запах новой кожи в «Мерседесе» всегда вызывал у Натальи тошноту. Или, возможно, дело было не в коже, а в том, куда ее везли. Она прислонилась лбом к холодному стеклу, наблюдая, как огни ночного города превращаются в размытые светящиеся линии. Её лицо отражалось в стекле — бледное, с тяжелыми веками, чужие глаза, которые смотрели на неё с таким же любопытством, с каким она разглядывала прохожих на тротуарах.

Они были свободны. Они шли в кино, обнимались, ругались по телефону, пили кофе на бегу. У них были нормальные жизни.

У Натальи была «Безопасная зона», «Сценарий» и «План Б». Так называла её жизнь служба безопасности отца.

— Наталья Сергеевна, через пять минут будем на месте, — произнес водитель, мужчина с квадратной челюстью, который за два года работы так и не научился называть её просто Наташей.

Она не ответила. Она давно перестала разговаривать с ними. Зачем? Они не люди, они — функции. Как и она сама, если честно.

Они остановились у неприметного здания в центре. Тот самый «семейный ужин», который устраивали раз в квартал. Охрана проверила подъезд, перекрыла лифт, и через три минуты Наталья стояла перед тяжелой дубовой дверью пентхауса.

Звук ее шагов утонул в ворсе персидского ковра.

В гостиной было душно от дорогих духов. Её мать, Ольга Михайловна, восседала в кресле, держа бокал с белым вином так, будто это был тронный скипетр. Она выглядела безупречно: укладка, свежий маникюр, платье от Valentino. Возраст выдавал только взгляд — уставший, немного стеклянный.

— Натали, дорогая, — пропела мать, не вставая. — Ты выглядишь... отдохнувшей.

«Ты выглядишь так, будто тебя заперли в банке из-под огурцов уже семнадцать лет», — мысленно перевела Наталья.

Отец стоял у панорамного окна, спиной ко всем. Геннадий Петрович Гонин, кандидат в президенты, человек, чьё лицо украшало обложки недельных журналов, а голос звучал из каждого телевизора. Он был высок, седые виски делали его похожим на киногероя из 90-х.

— Наташа, — сказал он, не оборачиваясь. Голос — низкий, командирский. — Как учеба?

— Хорошо, пап, — ответила она. Всегда одно и то же. «Хорошо». «Нормально». «Отлично». Слова-пустышки.

— Репетиторы довольны?

— Да.

Он наконец обернулся. Взгляд у него был тяжелый, сканирующий. Обычно он смотрел так на оппонентов на дебатах. На дочь — впервые за три месяца.

— Скоро выборы, — сказал он так, будто это объясняло всё. — Твоя мать говорила тебе? Мы не можем рисковать. Никаких прогулок, никаких соцсетей. Ты меня слышишь?

Наталья кивнула.

— Я вообще-то живу в тени, пап, — тихо сказала она. — В буквальном смысле. Мои окна выходят во двор. Мне даже шторы не нужны.

Ольга Михайловна нервно рассмеялась, поправляя серьгу:

— Ген, она просто шутит. Натали, не будь смешной. Это ведь всего на год. Когда папа станет президентом...

— Когда он станет президентом, я стану еще большим секретом, — перебила Наталья. — Вас кто-то видел вместе? За все семнадцать лет? На фото? Я — плод вашей фантазии. Или, точнее, плод вашей политической целесообразности.

Повисла тишина. Мать побледнела. Отец медленно поставил стакан с виски на стол.

— Ступай в свою комнату, — сказал он ледяным тоном. — Мы продолжим, когда ты научишься уважать наш дом.

Она не стала спорить. Она вышла из гостиной, прошла через коридор и захлопнула за собой дверь «своей» спальни — стерильной, гостиничной, где даже книги на полках стояли ровно, как солдаты в строю.

Родители не кричали. Они вообще никогда не кричали. Они всегда говорили шёпотом, будто боялись, что их слова записывают на диктофон. Но Наталья знала их сценарий наизусть: через час мать придет с успокоительным, отец кинет на стол новую кредитку, и все сделают вид, что «напряженная ситуация» разрешилась.

Но сегодня Наталья сделала то, чего не делала никогда.

Она достала из тайника под матрасом старый, почти допотопный телефон. Без GPS, без приложений, с сим-картой, купленной за наличные у метро «Китай-город» три месяца назад. Телефон, которого, по мнению отца, не существовало.

Она открыла браузер, нашла тот самый сайт. «Независимый репортер». И написала письмо.

«Здравствуйте. Меня зовут Наталья. Мой отец — Геннадий Гонин. Он кандидат в президенты. Моя мать — Ольга Корецкая, актриса. Они не женаты. Никто не знает, что я существую. Но я устала быть тенью. Я хочу, чтобы они увидели меня. Верите ли вы в секреты? Я готова их рассказать».

Она нажала «Отправить» и задержала дыхание. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его услышит охрана за дверью.

Она не знала, что этот маленький конвертик в цифровом мире разорвет её жизнь на «до» и «после». Что журналист, который получит это письмо через десять минут, окажется циником с многолетним стажем, который решит, что это шутка, но из чистого любопытства всё же приедет на встречу.

Она не знала, что через два дня они встретятся в захудалой кофейне у Чистых прудов, и она впервые в жизни скажет вслух не «я — дочь», а «я — Наталья».

Но пока что она просто сидела в гостиничной кровати, в комнате без личных вещей, и смотрела на экран погасшего телефона, ощущая, как внутри неё прорастает что-то новое. Опасное. Живое.

Это чувство называлось «впервые я сделала выбор сама».

И оно пугало её до дрожи в коленях.

Глава 2. Птица в клетке

Москва, 2026 год

Следующие два дня тянулись, как резина. Наталья то и дело проверяла телефон, хотя прекрасно знала, что он не издаст ни звука — вибрация была отключена. Но она всё равно держала его под подушкой, касаясь пальцами холодного корпуса, будто это был амулет.

Отец улетел в Санкт-Петербург на предвыборное совещание. Мать уехала на съёмки — очередная эпизодическая роль в очередном сериале, где она играла «уставшую аристократку». Роль, которую, по мнению Натальи, она репетировала всю свою жизнь.

Дом опустел. Охрана дежурила внизу, но Наталья знала их расписание: смена сменяла смену ровно в восемь вечера. Она могла бы сбежать. Могла бы просто выйти через чёрный ход, но куда? У неё не было ни друзей, ни денег — только кредитка, которую отслеживали, и телефон, который был её единственным окном в мир.

Она сидела на подоконнике в своей комнате, смотрела на двор-колодец и думала о том, что её жизнь похожа на те китайские коробочки: внутри одной всегда оказывалась другая, поменьше, и так до бесконечности. Сначала её прятали от журналистов, потом — от одноклассников, потом — от соседей, потом — от самой себя.

И вот теперь она сидела в самой маленькой коробочке, которую когда-либо знала, и ждала ответа от незнакомца.

Он пришёл на второй день. Вечером.

Телефон коротко завибрировал, и Наталья подскочила так резко, что чуть не слетела с подоконника. Сердце колотилось, пальцы дрожали, когда она открывала почту.

Письмо было коротким. Без приветствий. Без подписи.

«Наталья. Если это не шутка — вы знаете, что играете с огнём. Я проверил информацию. Ваш отец действительно Гоним. Ваша мать действительно Корецкая. Ни одного совместного фото за 17 лет. Это уже интересно. Я готов вас выслушать. Но предупреждаю: я не игрушка и не друг. Я журналист. Если вы скажете мне правду, я её опубликую. Не надейтесь, что я сохраню ваши тайны ради красивых глаз. Завтра, 16:00. Кофейня "Птица" на Чистых прудах. Столик у окна. Приходите одна. Иначе я уйду».

Наталья перечитала письмо пять раз. В нём не было тепла, не было сочувствия. Только холодный, расчётливый интерес. Этот человек видел в ней не девушку, а материал. Историю. Сенсацию.

И почему-то именно это привлекло её больше всего. Впервые кто-то говорил с ней как со взрослой. Как с равной. Без снисходительных вздохов и успокоительных таблеток.

Она написала ответ всего из трёх слов: *«Я буду. Одна».*

А потом долго сидела в темноте, глядя на потолок, и пыталась представить своё завтра. Она никогда не была в кофейне. Никогда не сидела у окна с чашкой кофе, глядя на прохожих. Никогда не выбирала, что надеть, не оглядываясь на то, «не слишком ли заметно».

Она открыла шкаф и посмотрела на свою одежду: джинсы, простой свитер, кеды. Всё — без логотипов, без брендов, серое и невзрачное. «Невидимая» — её стиль.

Она выбрала самый незаметный наряд и положила его на стул.

Сердце не переставало колотиться.

Глава 3. Кофейня «Птица»

Москва, 2026 год

Чистые пруды пахли мокрыми листьями и свободой. Наталья вышла из метро и чуть не остановилась от страха. Здесь было так много людей! Они шли, смеялись, разговаривали по телефону, пили кофе из бумажных стаканчиков. Никто не смотрел на неё. Никто не сканировал её лицо, не проверял, та ли она.

Она была просто одной из тысячи. Это ощущение опьяняло.

Кофейня «Птица» оказалась маленькой, уютной, с деревянными столами и запахом корицы. Наталья вошла, и звякнул колокольчик на двери. Она сразу увидела его — мужчину за столиком у окна. Лет сорока, с небритостью, которая выглядела не небрежной, а продуманной. Серые глаза, острый нос, пальцы, сжимающие чашку эспresso.

Он был одет в простую чёрную водолазку и потёртый пиджак. Выглядел как человек, который видел слишком много и перестал чему-либо удивляться.

— Наталья? — спросил он, даже не вставая. Голос — низкий, хрипловатый, как у заядлого курильщика.

Она кивнула и села напротив. Руки тряслись, и она спрятала их под стол, сцепив пальцы в замок.

— Я Арсений, — представился он. — Ты пришла. Молодец. Я уже думал, что не придёшь.

— Я обещала, — сказала она тихо.

Арсений усмехнулся, но в глазах не было тепла.

— Обещания в моей профессии ничего не значат. Важны факты. Итак, ты написала, что ты дочь Гонина и Корецкой. Это легко проверить. Сложнее проверить другое: зачем ты мне это рассказала? Ты хочешь денег? Славы? Или просто хочешь насолить папочке?

Наталья почувствовала, как её щёки заливаются румянцем. Она ожидала вопросов, но не такого прямого, не такого циничного.

— Я хочу, чтобы меня увидели, — сказала она, и голос её сорвался. — Я устала быть тайной. Я устала жить в съёмных квартирах, менять школы, не иметь друзей, не иметь даже свидетельства о рождении, которое можно было бы показать! Я существую только для них. А для мира — я ошибка, которую списали в архив.

Арсений внимательно посмотрел на неё. В его взгляде мелькнуло что-то новое — не сочувствие, нет. Любопытство профессионала, который нащупал слабое место.

— У тебя нет свидетельства о рождении? — переспросил он.

— Есть, конечно, — усмехнулась Наталья. — Но оно выдано в Швейцарии на фамилию матери. И в нём нет отчества. Мой папа — везде, но нигде. Он не вписан ни в один документ, кроме как в секретные контракты с моей матерью. Я — его «неофициальный актив».

Арсений откинулся на спинку стула и посмотрел на неё уже иначе. Он достал диктофон, положил на стол.

— Ты не против, если я запишу? — спросил он. — Для начала. Если ты решишь отступить — я сотру. Но если решишь идти до конца... это будет твой голос. Твоя правда. Готов?

Наталья посмотрела на диктофон. Маленький чёрный прямоугольник. Вещь, которая может изменить всё. Она посмотрела на свои руки — они дрожали, но в груди было странное спокойствие, похожее на то, что чувствуешь перед прыжком с тарзанки.

— Готова, — выдохнула она. И, как только слово сорвалось с губ, она поняла, что обратного пути больше нет.

Она начала рассказывать. О своей жизни в «безопасных домах», о том, как её учили молчать, о том, как отец звонил раз в месяц и всегда начинал разговор с фразы «Как учеба?», о том, как мать играла роль «счастливой женщины» на публике и пила успокоительные в одиночестве.

Арсений слушал, не перебивая. Время от времени задавал уточняющие вопросы — «А где это было?», «А как звали охранника?», «А у тебя есть доказательства?». Наталья отвечала на всё. Она чувствовала, как с каждым словом с её плеч спадает тяжесть, как будто она сбрасывала слои, в которые её закутали годами.

Когда она замолчала, в кофейне уже зажгли свет — за окном стемнело.

— Хорошо, — сказал Арсений, выключая диктофон. — Я проверю всё, что ты сказала. Если это подтвердится — у нас будет материал. Но, Наталья, ты должна понимать: когда я это опубликую, твоя жизнь изменится. Ты перестанешь быть невидимкой. Но ты станешь мишенью. Ты готова к этому?

Наталья посмотрела на него. В зеркальном отражении витрины она увидела своё лицо — бледное, решительное, со взглядом человека, который только что перестал быть ребёнком.

— Я готова, — сказала она.

Они обменялись номерами, и она ушла, оставив его допивать остывший кофе. На улице её ждал холодный ветер и странное чувство свободы, смешанное с ужасом.

Она не знала, что мать уже нашла её телефон. Не знала, что через несколько часов они встретятся лицом к лицу в гостинице.

Она знала только одно: впервые в жизни она сделала выбор сама.

И это было начало конца.

Глава 4. Троянский конь в ночи

Москва, 2026 год

Наталя поняла, что проиграла, в тот самый момент, когда услышала, как затихли шаги матери за дверью. Ольга Михайловна никогда не уходила просто так. Она *проплывала*. Сегодня же она *прошла* — тяжело, сбивчиво, почти крадучись.

Интуиция, которую Наталя научилась обострять в условиях вечного заключения, завывала сиреной. Она сунула руку под матрас.

Пусто.

Телефона не было.

Сердце пропустило удар, затем сделало кульбит и забилося где-то в горле. Она вскочила с кровати, лихорадочно ощупав все складки матраса, заглянула под подушку, на пол. Ничего. Только пыль и клочок от нитки.

— Нет, нет, нет... — прошептала она, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Она выбежала в коридор босиком. Паркет был ледяным, но она не чувствовала холода. В гостиной горел только торшер, отбрасывая длинные тени. Отец уехал час назад, оставив после себя запах виски и холодный приказ: *«Поговори с ней»*.

Мать стояла у окна. В одной руке — бокал, в другой — тот самый телефон. Старый, с потертым корпусом, который Наталя купила на китайском рынке за пять тысяч рублей. Сейчас он казался огромным, как кирпич, и таким же смертоносным.

— Мам, — выдавила Наталя. Голос предательски дрогнул. — Отдай.

Ольга Михайловна медленно обернулась. Она выглядела постаревшей лет на десять. Под глазами залегли тени, которые даже профессиональный макияж не мог скрыть. Но самое страшное было в ее взгляде — не гнев, не истерика. Страх. Настоящий, животный страх женщины, которая внезапно поняла, что её мир вот-вот рухнет.

— Натали, — голос матери звенел, как тонкое стекло, которое вот-вот разобьют. — Что это?

— Это мой телефон, — Наталя сделала шаг вперед, протягивая руку. — Отдай, пожалуйста.

— Ты написала письмо? — спросила мать, и в её голосе послышались слезы. — Журналисту? Ты что, с ума сошла?!

Она тряхнула телефоном, и Наталя увидела, что экран подсвечен. Она не выключила его. Проверить почту. Последнее, что она делала. Идиотка.

— Мам, я могу объяснить, — начала Наталя, но мать перебила её, зайдясь в нервном смехе, граничащем с истерикой.

— Объяснить?! Ты хоть понимаешь, что ты наделала? Ты понимаешь, что это не игра?! Ты думаешь, мы просто прячем тебя, потому что мы злые? Господи, Наталя!

Слезы потекли по лицу матери, размазывая тушь. Она была красивой даже в этом состоянии — актриса до мозга костей. Но сейчас в ней не было фальши. Только ужас.

— Ты думаешь, я хотела так жить? — прошептала Ольга Михайловна, прижимая телефон к груди, будто это была икона. — Ты думаешь, я мечтала рожать втайне, в Швейцарии, без врачей, без свидетельства о рождении, которое можно было бы показать? Ты думаешь, я хотела, чтобы моя дочь росла как... как...

— Как тень? — закончила за неё Наталя. Голос стал жестким. — Я знаю, мам. Я всегда это знала. Но я не просила меня рожать! Я не просила быть вашим грязным секретом!

— Замолчи! — мать впервые сорвалась на крик. Бокал выпал из её руки и разбился о паркет, осколки разлетелись, как брызги крови. Она даже не вздрогнула. — Ты не знаешь ничего! Ты не знаешь, что было до тебя! Ты не знаешь, чего нам стоило... его карьера, моя жизнь, моя свобода...

— А я? — тихо спросила Наталя. — Моя свобода тебя не волнует?

Мать замерла. В комнате повисла звенящая тишина, нарушаемая только тиканьем старых часов.

Ольга Михайловна посмотрела на дочь — впервые, наверное, за последние несколько лет — не как на объект, который нужно спрятать, а как на человека. Живого, взрослого, опасного.

— Господи, — выдохнула она, опускаясь на диван. Телефон всё ещё был в её руке, но теперь он лежал на коленях, как беспомощный зверек. — Ты ведь не отправила его? Скажи мне, что не отправила.

Наталья молчала. Она смотрела на мать — на её дрожащие плечи, на размазанную тушь, на дорогое платье, которое казалось сейчас жалкой маскарадной тряпкой. И впервые в жизни она не почувствовала ни жалости, ни вины. Только холодное, кристально чистое спокойствие.

— Отправила, — сказала она. Голос звучал ровно, почти безэмоционально. — Вчера вечером.

Мать подняла на неё глаза. В них была такая пустота, что Наталье стало страшно. Но она не отступила.

— Ты не понимаешь, — прошептала Ольга Михайловна, и в голосе её звучала уже не истерика, а ледяная, беспомощная обреченность. — Если это выйдет... если кто-то узнает... Гена не простит меня. Он думает, что я контролирую тебя. Он думает, что я хоть что-то контролирую в этой жизни.

— А ты контролируешь? — спросила Наталья, и вопрос повис в воздухе, как нож.

Мать не ответила. Она медленно встала, подошла к дочери и протянула ей телефон. Наталья взяла его. Пальцы матери были ледяными.

— Я не скажу ему, — тихо сказала Ольга Михайловна. — Я не скажу, что нашла это. Но ты должна пообещать мне.

— Что?

— Если этот журналист ответит... если он согласится... ты не поедешь к нему одна. Ты возьмёшь меня с собой.

Наталья опешила. Она ожидала чего угодно: угроз, изъятия телефона, звонка отцу, запираения в комнате. Но не этого.

— Что? — переспросила она.

— Я сказала, что не контролирую свою жизнь, — мать горько усмехнулась, вытирая слезы тыльной стороной ладони. — Но я контролирую свою смерть. Если ты хочешь разрушить этот цирк — разрушай. Но я хочу быть рядом. Хочу, чтобы меня хотя бы спросили. Впервые за семнадцать лет.

Она развернулась и вышла, оставив Наталью одну в гостиной, среди осколков бокала и запаха её духов.

Наталья смотрела на телефон в руке. На экране горело уведомление: **«1 новое письмо»**.

Она открыла его дрожащими пальцами.

«Наталья, здравствуйте. Меня зовут Арсений Белов. Я готов встретиться. Завтра, 16:00, кофейня "Птица" на Чистых прудах. Если это не розыгрыш — приходите. Я верю, что у каждого секрета есть цена. Интересно, сколько стоит ваш».

Наталья перечитала письмо дважды. Потом подняла глаза на закрытую дверь, за которой скрылась мать.

Что-то сломалось в этой семье сегодня. Но что именно? Стена? Или просто упала еще одна маска?

Она сжала телефон в кулаке и выдохнула.

«Завтра», — подумала она. «Завтра я перестану быть тенью».

Глава 5. Союзница

Москва, 2026 год

Наталья не спала всю ночь.

Она лежала на спине, глядя в потолок, где лунный свет рисовал причудливые узоры через неплотно задёрнутые шторы. Телефон лежал на тумбочке — выключенный, спрятанный

обратно под матрас, но она всё равно чувствовала его присутствие, как чувствуют мину замедленного действия под половицей.

В голове крутились обрывки разговора с матерью. *«Ты не знаешь, чего нам стоило...», «Я хочу, чтобы меня хотя бы спросили».* Наталья пыталась разобрать эти слова, как криптограмму, но они не складывались в понятную картину.

Мать всегда была для неё декорацией — красивой, дорогой, но плоской. Как картонная кулиса в театре. Наталья знала её запах (духи «Chanel №5»), её голос (певучий, чуть с хрипотцой), её привычку поправлять волосы, когда она нервничает. Но она не знала её *настоящую*. Ту, которая стояла сегодня с бокалом в одной руке и телефоном в другой и смотрела на неё с таким отчаянием, что у Натальи сжалось сердце.

Она перевернулась на бок и уставилась в стену. Завтра — или уже сегодня, судя по времени на часах — ей предстояло сделать то, чего она никогда не делала. Взять мать с собой на встречу с Арсением.

«Что я делаю?» — прошептала она в подушку. — *«Зачем я ей позволила?»*

Ответ пришёл не сразу, но он был честным: она позволила, потому что впервые в жизни мать не пыталась её *остановить*. Она не сказала «ты не пойдёшь». Она сказала «возьми меня с собой». И это было странным, неправильным, но всё же — шагом навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.